

Никулушкин Константин Владимирович

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ МЫШЛЕНИЯ (ПО РЕЧИ Н. Н. ПОПОВСКОГО 1755 Г.)

В статье рассматривается переломный момент русского философского мышления в эпоху Просвещения, связанный с проблемой латинского научного языка в образовательном процессе. Основным материалом статьи является речь Н. Н. Поповского, произнесённая в день открытия Московского университета в 1755 г. Анализ речи Поповского включает в себя комментарий эстетических, теологических и философских концепций мыслителя, определенных культурно-политической парадигмой XVIII века.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/2-1/35.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (52): в 2-х ч. Ч. I. С. 125-129. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

4. Дело московских немцев // Русское слово. 1917. 23 января. № 19.
5. Князев Г. Славянский «восточный» вопрос в определении В. И. Ламанского // Журнал Министерства народного просвещения. 1916. Ч. LXVI. Ноябрь. С. 1-24.
6. Малицкий П. Тевтонский дух // Церковные ведомости. Прибавление. 1915. № 20. С. 594-598.
7. Молебствия русских немцев о ниспослании победы русскому воинству // Петроградский листок. 1914. 30 июля. № 206.
8. Немецкие сети // Земщина. 1917. 24 января. № 2586.
9. Никольская Т. Русский протестантизм и государственная власть в 1905-1991 годах. СПб., 2009.
10. Петрищев А. Внутренняя летопись. Как большинство Думы осуществляло свою платформу по религиозному, национальному и сословному вопросам // Русские записки. 1916. № 7. С. 231-238.
11. Пресса А. Германский богдыхан // Нива. 1914. № 48. 29 ноября. С. 928-932.
12. Смирнов А. Духовное вырождение немецкого народа // Церковные ведомости. Прибавление. 1914. № 47. С. 1946-1951.
13. Шубина А. Н. Политика российского правительства по отношению к немецким колонистам во время Первой мировой войны // Вестник Московского университета. Серия 8. История. М., 2009. № 6. С. 74-84.
14. Я-ов М. И. Немецкая колонизация в России // Колокол. 1916. 13 сентября. № 3093.
15. Save. Борьба за мирозозерцание // Церковные ведомости. Прибавление. 1915. № 3. С. 65-68.

RELIGIOUS ASPECTS OF THE ANTI-GERMAN CAMPAIGN IN PAGES OF THE RUSSIAN PRESS (1914-1917)

Morozova Nataliya Vladimirovna, Ph. D. in History

*Branch "Vzlet" of Moscow Aviation Institute (National Research University) in Akhtubinsk
nataly-tarunina@mail.ru*

Nazarova Tat'yana Pavlovna, Ph. D. in History

*Volgograd State Agricultural University
hist_tatyana@mail.ru*

The article is devoted to the discussion of religious problematic as a component of the anti-German campaign in Russia (1914-1917) in the pages of national periodicals. The authors mention significant public interest to the role of Protestantism in the "transformation" of Germany from a civilized country into a barbaric one. The positions of the publications of various genre and political orientation in relation to the propaganda of the German religious teachings as a form of the spiritual enslavement of the Orthodox population are identified.

Key words and phrases: the anti-German campaign; religious issue; the Russian press; image of enemy; the First World War.

УДК 130.2

Философские науки

В статье рассматривается переломный момент русского философского мышления в эпоху Просвещения, связанный с проблемой латинского научного языка в образовательном процессе. Основным материалом статьи является речь Н. Н. Поповского, произнесенная в день открытия Московского университета в 1755 г. Анализ речи Поповского включает в себя комментарий эстетических, теологических и философских концепций мыслителя, определенных культурно-политической парадигмой XVIII века.

Ключевые слова и фразы: ментальные модели; трансформация философского знания; интеллектуальная реконструкция; пространство цивилизации; языковой инструментарий; экспликация философского знания; метафизика формы.

Никулушкин Константин Владимирович

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
axiosherzen@gmail.com*

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ МЫШЛЕНИЯ (ПО РЕЧИ Н. Н. ПОПОВСКОГО 1755 Г.)©

Русская культура эпохи Просвещения интересна развитием внешних эстетических форм, порой заимствованных, при неподвижном внутреннем «ядре» традиционного эстетического сознания. Понятие высококультурно-просветительского национального подъема, с которым связывают эпоху Просвещения в России, не всегда корректно отражает границы научно-философского мышления. Это понятие в интеллектуальном пространстве русской культуры соотносится исключительно с кругом лиц, на которых Просвещение снизошло в виде западноевропейской гносеологической парадигмы. Возникший при этом культурный диссонанс, выраженный освоением научного языка гносеологической парадигмы и познанием самой парадигмы,

охватывал умы многих русских мыслителей XVIII века. Среди них любимый ученик М. В. Ломоносова Николай Никитич Поповский (ок. 1730 – 1760). Поповский обучался в Московской Славяно-греко-латинской академии, в 1748 г. в числе десяти лучших учеников был отобран В. К. Тредиаковским для последующего обучения в Петербургском академическом университете. Был одним из первых, кто получил в России в 1753 г. звание магистра философии, и в 1755 г. после открытия Московского университета получил назначение на должность ректора в гимназию при университете. В том же университете в 1756 г. Поповского избрали профессором элоквенции (красноречия).

Согласно научному формату эпохи, Н. Н. Поповский проводил занятия по философии на латинском языке. Его речь в день торжественного открытия Московского университета 26 апреля 1755 г. была изложена латинским языком, но уже в августе того же года была опубликована на русском языке (напечатана впервые в 1755 г. августовском номере журнала «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» [6]). Знание Поповским главных русских образовательных систем того времени: Московской славяно-греко-латинской академии и Петербургского Академического университета, в которых он обучался, – а также то, что его вступительная речь была опубликована в «Ежемесячных сочинениях» М. В. Ломоносовым, предполагает глубину затронутых им философско-культурных положений. По сохранившемуся тексту можно исследовать проблемное поле русского философского мышления второй половины XVIII века. Однако эта возможность ограничена. Полное вхождение в русскую философскую культуру XVIII века через текст определено прагматикой действия (аудиторией).

Речь Н. Н. Поповского для удобного и конструктивного исследования можно условно разделить на пять частей, которые в отношении единого текста образуют ответственные уровни излагаемой им идеи. Эти уровни раскрывают проблемные аспекты русского Просвещения, связанные с заимствованием механизмов (моделей) западноевропейской культурной парадигмы. Эти механизмы в русской культуре не всегда вписывались в образ мира и иногда создавали статичные, неработающие ментальные модели субъект-объектного отношения (познание Бога через *ego cogito ergo sum* (я мыслю, вследствие этого я есть – Декарт), *credo quia absurdum est* (верую, ибо абсурдно – Тертулиан)). Их внеконтекстное (культурное) рассмотрение в виде абсолютного знания и наложение в виде кальки на русское философско-эстетическое мышление искажают его понимание. Лишь взгляд на них сквозь русское философское сознание дает возможность выразить их функциональное отношение в русской мысли.

Первая часть речи Н. Н. Поповского – это вступление, обращенное к слушателям, выражающее заботу «о просвещении учением вашего разума» [Там же, с. 167]. Учение полагается не как навязанная система правил, а как ответное желание собравшейся аудитории в стремлении к духовным идеям просвещения. Чувство радости, которое выражает в своем обращении Поповский, связано с пользой на благо отечества, раскрывающееся девизом «в свете Российской империи слава» [Там же].

Культурно-политический синкретизм русского Просвещения скреплялся новыми формами-символами, без которых не могла осуществляться динамика созданного философско-эстетического пространства. Положение империи в XVIII веке русской культуры есть символ уже сложившейся системы просветительского мировоззрения, который ознаменовался в 1724 году при провозглашении Петра I Всероссийским Императором замечательного коронационного венца «шапки Мономаха» на корону европейского типа. Еще один символ Просвещения – создание Синода в 1721 г. вместо Патриаршества (действовало с 1589 г.), разделившего дух Православия на таксоны политической системы и изменившего храмовую модель мироздания православной культуры образам западноевропейской рациональности. Символы Просвещения, сформировав новые ценностные ориентиры для народа, образовали национальную парадигму государственно-политической телеологии.

Так, чтобы выразить аксиологическое значение понятия Империи как символа в русском Просвещении, обратимся к словам Н. Н. Поповского, следуемым сразу за «Российской империи слава»: «Ваше обо мне мнение и предуверенность о порядочном исправлении препорученной мне должности не только труд сей облегчает, но и еще к понесению тягостей больших с усерднейшим желанием возбуждает» [Там же].

Таким образом, под влиянием символа «империя» происходит изменение ценностно-духовной формы в культуре и акта сознания по отношению к этой форме. Христианское понятие жертвенности облекается в латы культурирегетства, раскрываясь в тексте оценочным действием самосознания – «понесение тягостей» ради достижения цели, безусловно духовной, но с возбуждающим «усерднейшим желанием» и *зависящей* от этого «препорученной должности», связанной узами «порядочного исправления» дела.

Во второй части речи Н. Н. Поповский объясняет важность и величие философии через красоту храма, сохранившего в Просвещении внутренний образ национальных духовных традиций (внешний образ (вид) храма мог стилистически изменяться: Петровское барокко, Елизаветинское барокко...). Пространство знания раскрывается через образ Вселенной, где «понятия вещи в ясном виде показываются» [Там же, с. 168]. Для образного понимания и большей выразительности речи происходит трансформация философского знания в эстетическое пространство, где причинно-следственные связи раскрываются через взаимообусловленную гармонию небесных тел: «Где солнце, луна, земля, звезды и планеты в самом точном порядке, каждая в своем круге, в своих друг от друга расстояниях <...> где и самое непостижимое божество, будто сквозь тонкую завесу <...> некоторым возбуждающим к благоговению понятием себя нам открывает» [Там же].

Философский аспект разворачиваемого в речи описания храма предполагает применение диалектики внешнего и внутреннего пространства, требующей своего понятийного языка – отношения одного, единственного и множества (достаточно разработанных философских положений к этому времени школой платонизма, неоплатонизма, средневековой патристики). Но переход к образному представлению дает возможность

образного же видения диалектики сознания. Поэтому Н. Н. Поповский через образы демонстрирует метафизику существующих форм, негласно определяя их трансцендентное значение через абсолютное тождество знания и формы: «где все то, чего только жадность *любопытного человеческого разума насыщения желает*, все то не только *перед очи* представляется, но почти *в руки* для нашей пользы и употребления предается (*курсив наш – К. Н.*)» [Там же, с. 168-169].

Внутреннее пространство храма есть положение истины, доказанное «необманчивым познанием натуры» через общие правила рассуждения. Сущностью знания в храме философии является положение известной вещи, поэтому перечисленные Поповским красота, великолепие, которые «ум и сердце человеческое в восторг и приятное удивления приводят» [Там же, с. 170], не являются безотносительными к объекту, т.е. платоновским понятием красоты самой по себе, а явлены непосредственно в скульптурной выразительности здания, то есть в мышлении формы красоты.

Третья часть речи посвящена философии как апологии христианству. В публичной речи, посвященной началу философских лекций в гимназии при Московском университете, Поповский не мог обойти проблему христианской религии и дидактику философского знания. Век западноевропейского Просвещения более опирался на иную, новую форму веры – деизм (ее корни находятся во второй половине XVII века и связаны с работами английского основоположника естественной религии Герберта Гербери – «*De causis errorum*» (1645), «*De religione Gentilium*» (1645)). Представителями деизма европейского Просвещения, которые повлияли на философское мышление эпохи во время жизни и работы Н. Н. Поповского, были: Джон Толанд, Энтони Эшли Купер (граф Шефтсбери), Франсуа Мари Аруэ (Вольтер), Герман Самуэль Реймар (Reimarus). Конечно, в России, где церковь являлась частью государственной системы и подчинялась императору (в тот момент императрице Елизавете, что немаловажно), не могло быть и речи ни об открытом отрицании религии философией (радикальной формой атеизма французских материалистов — Д. Дидро, К. А. Гельвеция, Ж. О. де Ламетри, П. Гольбах), ни о претворении идей деизма в самой философии. Поэтому, с видимой целью установить внешние, зримые связи государственной идеологии с философской наукой, Поповский упоминает о пользе философии в отношении религии. Таким образом, происходит неосознанное конструирование эстетического пространства между двумя формами мышления – религиозной и философской (научной).

Многие понятия и термины, которые приводит в третьей части своей речи Поповский, требуют более пристального и отдельного изложения, поскольку они приоткрывают завесу мыслительной культуры эпохи русского Просвещения: «афеисты», «бытие Божие с *невозвратным отрицанием* отвергают», «просвещены познанием веры», «рассматривая одну только *натуру и рассуждения*», «есть *некоторое Существо*, от которого вся тварь *бытие и пребывание* свое имеет (*курсив наш – К. Н.*)» [Там же, с. 170-171].

Четвертая часть речи выражает проблему освоения философского знания в пространстве русского Просвещения XVIII века. Она связана с западноевропейскими методами обучения науки в целом, а если быть точнее – с языком науки. Разбег времени в эпоху Просвещения диктовал новые условия для познания мира; происходило уже не освоение окружающего пространства, а его интеллектуальная реконструкция. Без знания латинского языка, на котором выражалась научная мысль, не было входа в храм науки. Это положение требовало своего пересмотра. Н. Н. Поповский в своей вступительной речи философских лекций в гимназии при Московском университете поясняет проблемность освоения философии – «матери всех наук»: «Но в чем состоит ее трудность? Мне кажется, в одном только долговременном путешествии, то есть, кто хочет научиться философии, тот должен искать Старого Рима, или, яснее сказать, должен пять или больше лет употребить на изучение латинского языка. Какой тяжелый доступ!» [Там же, с. 171]. Поповский говорит именно о доступности понимания западного философского наследия и его выражении не в традиционных языковых формах, а в формах родной речи, которая дает возможность сократить время вхождения в мир науки. Таким образом, научное время конвертируется в национальное языковое сознание, которое стремится раздвинуть пространственные границы объективируемого мышления. Век Просвещения апеллирует к культурному самосознанию и полагает свой смысл, свою завершенность в текстах, созидающих его культурные координаты.

Философия в эпоху Просвещения почиталась в университетском образовании основанием знания, методологией науки и культурного развития. Но любые культурные связи лежат через язык ее носителя. Поэтому в отношении восприятия и развития западноевропейского философского знания, его укоренения в русской мысли Н. Н. Поповский справедливо замечает: «У философии, которая предписывает *общие пути и средства всему человеческому* (*курсив наш – К. Н.*) благополучию, никто не может потребовать совета, когда не научится по латине» [Там же, с. 172]. В этих словах можно узреть один из девизов самой эпохи Просвещения, который полагает благо человечества через всеобщий метод познания в своей доступности для каждого, желающего к нему прикоснуться.

Свет западноевропейского познания пришел на русскую землю, сделав ее российской, но потребовав также и изменения языкового сознания, способного преломить этот свет сквозь призму мышления.

К моменту прочтения речи Поповским перед началом философских лекций в гимназии в августе 1755 года проблемы русского языка, его исследование и развитие в тогдашней культуре были раскрыты плеядой видных ученых; уже существовала «Грамматика» Милетия Смотрицкого (в двух изданиях 1648 и 1721 гг.), в 1701 году был издан «треязычный лексикон» Ф. П. Поликарпова, В. Н. Тредиаковский выпустил в 1735 году «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», А. П. Сумароков написал две эпистолы (о русском языке и стихотворстве), но одним из главных событий стало написание «Российской грамматики» М. В. Ломоносова, которая 20 сентября 1755 года в виде рукописи была поднесена им в первую годовщину рождения сына Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны младенцу великому князю Павлу Петровичу.

Н. Н. Поповский был любимым учеником М. В. Ломоносова и, конечно, был знаком с трудом своего учителя. «Российская грамматика» была отпечатана в 1757 году в Санкт-Петербурге, но уже за два года до типографского издания грамматики можно найти одну из ее главных идей в речи Н. Н. Поповского: «Что ж касается до изобилия российского языка, в том перед нами римляне похвастаться не могут. Нет такой мысли, кою бы по-российски изъяснить было невозможно» [Там же, с. 173].

Развитие Ломоносовым в научном языке терминологии находит отражение в тексте Поповского в виде исторического аргумента к непереводаемому заимствованию: «Что ж до особых надлежащих к философии слов, называемых терминами, в тех нам нечего сомневаться. Римляне по своей силе слова греческие, у коих взяли философию, переводили по-римски, а коих не могли, то просто оставляли. По примеру их то ж и мы учинить можем» [Там же, с. 173-174].

Появление непереводаемых терминов в русском научном языке – явление достаточно интересное, когда понимание значения слова происходит не из принадлежности имени своему денотату, а из определения логической структуры научной или культурной области, в которой термин применяется.

С вопросом о терминологии в речи Поповского ставится им вопрос и о способности постижения самой философии вне ее изложения на латинском языке. Не является ли сам латинский язык структурой философского познания и мышления? «Не безвинно ли претерпевают осуждение те, которые для незнания латинского языка почитаются за неспособных к слушанию философии?» [Там же, с. 174] – этот вопрос для Поповского является риторическим, на который он сам отвечает: «Самые отроки могут через частое повторение привыкнуть и к глубочайшим предложениям, когда они им порядочно и осторожно от учителей внушаемы бывают, только лишь бы на известном языке предлагаемы им были» [Там же, с. 174-175]. Таким образом, для Н. Н. Поповского вопрос об экспликации философского знания на родном русском языке является не только возможным, но и необходимым «для умножения пользы своего отечества» [Там же, с. 173].

Пятая, заключительная часть речи Н. Н. Поповского есть наставление слушателей на преодоление трудностей, связанных с обучением, чтобы «через вас Россия прославления своего во всем свете надеялась» [Там же, с. 176]. Патриотические чувства, которыми наполнена завершающая часть его речи, связаны, отчасти, и с духом агональности, который основан на топологическом самосознании русской культуры эпохи Просвещения в сравнении с западноевропейской. Но все же целеполаганием к всеобщему интеллектуальному контенту служат слова: «...и вам от природы даны умы такие ж, какие и тем, которыми целые народы хвалятся; уверьте свет, что Россия больше за поздним начатием учения, нежели за бессилием, в число просвещенных народов войти не успела» [Там же, с. 175].

Просвещение – это попытка установления единого пространства цивилизации посредством изменения локальных границ национального сознания, связанного с культурной традицией мировоззрения, и воцарения человеческого разума, основанного на единых непротиворечивых суждениях, выраженных логикой. Логика высказывания, при соблюдении правил вывода, истинна на любом известном языке. Поэтому для научной мысли было несущественным ее выражение на языке «посвященных», но являлось существенным соблюдать ее внешние риторические формы и способы аргументации. Поповский в речи апеллирует к пониманию и доступности знания в философской дидактике на родном русском языке. Он пытается продемонстрировать на приводимых примерах, что форма научного познания не может измениться от языкового инструментария, связанного с его национальным выражением. Отдельное отступление в речи он делает для введения специальных терминов и понятий, определяющих многовековую цельность философского знания. Поповский понимает полную непереводаемость научных слов-терминов, связанных с концептуальностью в мышлении той или иной парадигмы (Платон – идеи, Аристотель – категории, Декарт – *cogitare*, Лейбниц – *monas (monados)*...), изменение которых приведет к разрушению сформулированной с помощью них системы и создаст путь к их возможному искажению в объяснении.

Философские положения впервые были эксплицированы русской речью в пространстве российского университета Н. Н. Поповским. В дальнейшем заимствованная западноевропейская образовательная парадигма взяла верх над новаторством, запретив чтение лекций по философии на родном русском языке: члены Университетской конференции в 1758 г. добились того, чтобы лекции читались на латинском языке: «который есть главная цель учреждения университета и основание всех наук» [5, с. 134-135]. И лишь только при Екатерине Великой в 1767 г. было издано указание: «чтобы лекции при Университете на российском языке преподаваемы были» [16, с. 27-28]. Но попытка соединить форму публичной лекции по философии, определявшую к тому времени образовательную систему, и русский язык принадлежит Николаю Никитичу Поповскому.

Парадигма русской философской мысли складывается из многих элементов духовной культуры, которые в своей целостности определяют доминирующую идею (от др. гр. *idéa* – вид, образ) философской системы. Возможности этой системы, ее интеллектуальная экспликация и последующее развитие в культуре связаны с количественным и качественным отношением определяющих ее элементов. Язык является элементом парадигмы и придает ей национальный эстетический колорит, связывает моделируемые образы и понятия в единый текст. Он также является одним из главных дидактических инструментов мышления, формирующего когнитивные способности сознания.

Таким образом, вопрос о включении русского языка в обучение философии, поставленный Н. Н. Поповским в речи, имеет отношение и к формированию национальной культуры мышления в целом. Поповский отражает основную идею, затронувшую многие великие русские умы того времени (В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, А. А. Барсов): глубина философии, смысл ее идеи лежит не в слепом заимствовании развитой формы (в том числе и лингвистической), а в постижении философии на основе языка, не требующего своей дополнительной рефлексии, как системы подсистем, то есть родного.

Список литературы

1. **Андреев А. Ю.** Лекции по истории Московского университета. 1755-1855. М.: МГУ, 2001. 240 с.
2. **Андреев А. Ю.** Основание Московского университета и русско-немецкие университетские связи в середине XVIII века // Вестник истории, литературы, искусства. 2005. № 1. С. 353-366.
3. **Артемьева Т. В.** История метафизики в России XVIII века. СПб.: Алетейя, 1996. 317 с.
4. **Артемьева Т. В.** От славного прошлого к светлому будущему: философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб.: Алетейя, 2005. 496 с.
5. **Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века:** в 3-х т. / под общ. ред. М. Н. Тихомирова. М.: МГУ, 1960. Т. 1. 1756-1764. 415 с.
6. **Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие.** СПб.: При Императорской Академии Наук, 1755. Т. II (август). С. 167-176.
7. **Живов В. М.** Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996. 590 с.
8. **Императорский Московский университет в воспоминаниях Михаила Прохоровича Третьякова (1798-1830)** // Русская старина. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1892. № 80. С. 105-143.
9. **Кулакова И. П.** Университетское пространство и его обитатели. Московский университет в историко-культурной среде XVIII в. М.: Новый хронограф, 2006. 348 с.
10. **Ломоносов М. В.** Полное собрание сочинений: в 10-ти т. Л.: АН СССР, 1952. Т. 7. Труды по филологии 1739-1758 гг. 997 с.
11. **Муравьев М. Н.** Проект Устава Московского Императорского Университета // Андреев А. Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 271-285.
12. **Пенчко Н. А.** Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. М.: МГУ, 1960. Т. I. 415 с.
13. **Пенчко Н. А.** Основание Московского университета. М.: МГУ, 1969. 192 с.
14. **Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова** / под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. М.: МГУ, 1981. 776 с.
15. **Стенник Ю. В.** Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века. СПб.: Наука, 2004. 277 с.
16. **Сухомлинов М. И.** История российской академии. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1874. Вып. I. 427 с.
17. **Шевырев С. П.** История императорского Московского университета. М.: В университетской типографии, 1855. 608 с.
18. **Шульгин В. С.** Религия и церковь // Очерки русской культуры XVIII века. М.: МГУ, 1987. Ч. 2. С. 359-401.

**THE RUSSIAN LANGUAGE AS THE BASIS OF NATIONAL PARADIGM OF THOUGHT
(ACCORDING TO SPEECH BY N. N. POPOVSKI IN 1755)**

Nikulushkin Konstantin Vladimirovich
 Herzen State Pedagogical University of Russia
axiosherzen@gmail.com

The article considers the turning point of the Russian philosophical thought in the Age of Enlightenment associated with the problem of the Latin scientific language in educational process. The basic material of the article is the speech of N. N. Popovski uttered on the opening day of Moscow University in 1755. The analysis of Popovski's speech includes the comment of the aesthetic, theological and philosophical conceptions of the thinker determined by the cultural and political paradigm of the XVIII century.

Key words and phrases: mental models; transformation of philosophical knowledge; intellectual reconstruction; space of civilization; language tools; explication of philosophical knowledge; metaphysics of forms.

УДК 316.3

Философские науки

В последние годы палитра оценок так называемого «сетевого поколения» стала очень разнообразной. Социально-психологический профиль сетевого поколения невозможно оценить однозначно, поскольку одни и те же его представители могут проявлять признаки гениальности и ограниченности, направлять свой талант как на созидание общества-Сети, так и его разрушение. Анализ социально-психологического профиля «сетевого» поколения в работах зарубежных авторов и выявление некоторых причин его амбивалентности являются целью данной статьи.

Ключевые слова и фразы: сетевое поколение; социально-психологический профиль молодежи; характеристики «сетевого поколения».

Носова Снежана Сергеевна

Национальный исследовательский Томский государственный университет
Sagan99@mail.ru

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ «СЕТЕВОГО ПОКОЛЕНИЯ»
В РАБОТАХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА©**

С начала 2000-х годов одними из ведущих тем для западной науки и общественного дискурса стали темы «молодежь и новые медиа», «молодежь и сети». Сетевое поколение оценивается неоднозначно: одни им